

Исповедальная проза Д. Гранина

А.Ф. Березко

На основе текстуального анализа основных идейно-художественных уровней книги Д. Гранина «Все было не совсем так» в статье исследуются особенности поэтики исповедальной прозы. Отмечается принципиальная близость исповеди писателя восточнославянской исповедальной традиции. Анализируются размышления Д. Гранина о природе исповедальной прозы.

Ключевые слова: исповедальная проза, жанр, искренность, покаяние, жизненное кредо.

On the basis of a textual analysis of the main ideological and artistic levels by D. Granin "It was not exactly" in the article examines particular confessional poetics of prose. Notes the crucial proximity confession confessional writer East Slavic tradition. Granin analyzed reflections on the nature of confessional prose.

Keywords: confessional prose genre, sincerity, repentance, credo

Одной из характерных тенденций современного литературного процесса является заметное оживление интереса к документально/мемуарно-(авто)биографической прозе. Особенно востребованной составляющей данного литературоведческого комплекса среди художников слова стала исповедальная проза. Существенный вклад в ее обогащение внесли представители так называемой «военной» литературы. Писатели фронтового поколения в силу как объективных, так и субъективных причин в течение долгих лет избегали использования данной жанровой модификации как уникальной формы авторского самораскрытия. В к. XX – н. XXI века вышли в свет целый ряд предельно откровенных книг-признаний непосредственных участников военных событий: «Vixi» А. Адамовича, «Доўгая дарога дадому» В. Быкова, «Жизнь, подаренная дважды» Г. Бакланова и др. Для многих из них создание исповеди стало венцом не только творческого, но и жизненного пути: в 1994 году умер А. Адамович, в 2000-м – В. Дементьев, в 2003-м – В. Быков.

Возникший интерес писателей-фронтовиков к исповедальной прозе не остался без внимания и самих авторов. Так, например, В. Дементьев отмечал в этой связи: «Что-то такое появилось в современной литературе, чему и названия нет. Какая-то тяга к тому, чтобы услышали, прочитали. Своеобразная исповедальная проза. Выговориться за долгие годы молчания» [1, с. 6]. Приведенная мысль не только объективно отражает современное положение дел в литературе, но и позволяет ощутить ту меру растерянности, которая неизбежно возникает у каждого литературоведа, занимающегося изучением произведений документально/мемуарно-(авто)биографической прозы. Эта методологическая трудность объясняется отсутствием системных научных исследований исповедальной прозы как своеобразного феномена искусства слова. Данное понятие только начинает входить в активный литературоведческий обиход, приобретая терминологический характер. Теоретическая нерешенность многих вопросов документально/мемуарно-(авто)биографической прозы оказывает существенное влияние на художественную практику. По этой причине авторы нередко используют универсальное жанровое обозначение «мемуары» либо заведомо отказываются от такового вовсе (например, А. Адамович сопровождает «Vixi» подзаголовком «Законченные главы незавершенной книги»).

Книга Д. Гранина «Все было не совсем так» также лишена точного жанрового обозначения. И причина здесь не в желании автора создать пелену загадочности вокруг своего произведения, а в его специфической поэтике, где органично сочетаются воспоминания и признания писателя, его размышления, пришедшиеся по вкусу мысли классиков и современников и т.д. Изданная в 2010 году книга «Все было не совсем так»

стала своего рода продолжением предшествующего исповедального опыта Д. Гранина «Причуды моей памяти» (2008 г.). На ее страницах автор стремился еще раз повторить сокровенное, досказать то, что было невольнo упущено, забыто, обойдено вниманием.

Размышления Д. Гранина о природе исповедальной прозы, неоднократно встречающиеся в книге, являются свидетельством мучительного спора автора с самим собой на вечную тему – способен ли писатель быть абсолютно искренним в художественном произведении. Они являются бесценным материалом, отображающим психологию автора, приступающего к созданию исповеди.

Д. Гранин стремится преодолеть ставшее стереотипным в советской литературе клише при описании собственной жизни: «Сколько я их <автобиографий> написал за свою жизнь... Из чего они состоят – из сообщений: родился, учился, родители, женился, поступил, где жил, был, служил. Все просто. Лучше, когда бедно. И бледно. Этакая справка... Не нужно ни про любовь, ни про ошибки, сомнения, раскаяния. Ни о том, как я хотел покончить с собой. Излишние надежды. Разлука... извините, это никому не интересно» [2, с. 106-107]. «Почему, ведь это и есть главное, история чувств, душевные поиски» [2, с. 107], – недоумевает Д. Гранин. С надеждой отобразить собственные душевные поиски, то есть то «главное», в чем и заключается уникальность и привлекательность человеческой жизни, он приступает к созданию книги «Все было не совсем так»: «С жадностью изголодавшегося накидываюсь я на собственную жизнь» [2, с. 477]. Определяющим фактором успешной реализации этого замысла, по мнению писателя, является открытость авторской души, сохранение текстом главного для исповедальной прозы свойства – искренности: «Талант искренности дает результаты не меньшие литературного» [2, с. 261].

Д. Гранин отчетливо осознает безусловную востребованность живого человеческого свидетельства о себе, традиция которого насчитывает в литературе не одно тысячелетие: «Почему тянет к дневникам, мемуарам, воспоминаниям? Почему? Почему литература такого рода не стареет? Она долгожитель» [2, с. 261]. Ответ на этот вопрос писатель видит в универсальности человеческого опыта, фундаментальные основы которого (страсти, слабости и т.д.) имеют вневременной характер, являясь точкой сближения представителей разных исторических эпох. Д. Гранин не скрывает своего желания исповедаться, написать искреннюю книгу о себе: «Иногда хочется исповедаться, признаться в плохих поступках, в подлых желаниях и мыслях. Признаться кому? Близким, другу, да как-то стыдно, потеряю уважение. Хорошо бы иметь своего духовника» [2, с. 192]. Однако за кажущейся, мнимой легкостью в достижении поставленной цели для каждого автора-исповедника скрываются трудности, подчас для него непреодолимые. Создание подлинной исповедальной прозы, затрагивающей сугубо личное, потаенное в жизни автора, как правило, становится для него моментом истины, когда на прочность проверяется достоинство и человечность. Так, например, завершив работу над книгой «Доўгая дарога дадому», В. Быков в интервью делает следующее признание, показывающее, насколько разнилось представление о процессе написания исповедальной прозы с его непосредственным осуществлением на практике: «А вообще, скажу я вам, это ужасно сложное дело – писать мемуары» [3, с. 612]. К такому же заключению Д. Гранин приходит значительно раньше. В 2005 году, еще только вынашивая замысел создания собственной исповеди, писатель отметил: «Мемуары, конечно, заманчивая вещь, но чрезвычайно опасная. Писать мемуары достаточно честные – безумно трудно. А заниматься саморекламой неохота» [4, с. 6].

Непосредственно столкнувшись с подобными трудностями, Д. Гранин вносит существенные коррективы в свои творческие планы, связанные с чистосердечным изложением собственных душевных исканий: «...знал, что предстоит вспоминать и открывать слишком много плохого» [2, с. 477]. С этого мгновения рассуждения автора об исповедальной прозе приобретают иную тональность: «Написать о себе всю правду невозможно. Не могу представить писателя, который осмелился бы вывернуть наружу свою душу со всеми ее мерзостями. При исповеди, на ухо священнику говорится только часть греховного» [2, с. 477]. И далее: «Сладость автобиографии состоит не в исповеди, кому она

нужна, кому дело до моих ошибок, сладость в том, что можно вспомнить хороших людей, прелесть прошлого, заполнить живой жизнью пространство между моим отцом и моим внуком, течение жизни не должно прерываться» [2, с. 477-478]. Д. Гранин ставит под сомнение саму возможность создания произведения-исповеди в чистом виде, объясняя свою точку зрения отсутствием в русской литературе исповедальной традиции: «Наверное, есть культура исповеди, понятия о собственных нормах морали. Система запретов. Опыт оценок, самоанализа непрост (поздно спохватился)» [2, с. 192]. Эту мысль писатель поясняет в одном из своих интервью: «Я вот недавно перечел «Исповедь» Руссо. Он совершил первый такой подвиг в истории литературы – попытался рассказать о себе все, плохое и хорошее. Рассказать о себе хорошее – это у нас умеют. Рассказать же о себе откровенно плохое – это очень трудно. Особенно нам, людям, у которых нет культуры исповеди» [4, с. 6]. Более того, в книге «Все было не совсем так» Д. Гранин демонстрирует невозможность автора воссоздать уникальность собственной личности, представить свое земное существование в виде хронологического жизнеописания. Этому противится сама человеческая природа, несовершенная в силу ограниченности памяти: «Как человек появляется на свет Божий, как он растет в первые свои годы, как становится человеком – ему самому неизвестно. Начало жизни в памяти у него не остается» [2, с. 6]. Человек лишен возможности самостоятельно рассказать о своем раннем детстве. О биографических фактах этого времени он может «узнать по рассказам родителей, нянек, какие-то сценки, словечки...» [2, с. 6]. Поэтому воспоминания человека о начальных годах своей жизни необходимо воспринимать с изрядной долей осторожности.

Суммируя систему взглядов Д. Гранина по вопросам поэтики документально/мемуарно-(авто)биографической прозы можно сделать вывод, что в конечном счете писатель констатирует существенное отличие русского и европейского исповедального опыта: «Все дело в степени откровенности. Распахнуть душу, да так, чтобы не преувеличить, ничего не замолчать, передать свой ужас, свою глупость, свой стыд, ничего не утаивая...» [2, с. 261]. «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо как эталон исповеди в европейской литературе, являясь исключительно интимным произведением, характеризуется подчеркнутым вниманием автора к индивидуальным, личностным началам своей жизни. Исповедальные опыты представителей русской литературы отличает присущая им социальность, соединение самоанализа с самотипизацией. Специфику восточнославянской исповедальной традиции, по нашему мнению, уместно охарактеризовать с помощью понятия «национальное покаяние», предложенного К. Льюисом: «Главная прелесть национального покаяния в том, что оно дает возможность не каяться в собственных грехах, что тяжело и накладно, а ругать других» [5, с. 77]. Исповедальная составляющая книги Д. Гранина «Все было не совсем так», в целом представляющей собой сложное синтезированное жанровое образование, не поддающееся однозначному определению, в полной мере соответствует специфике восточнославянской исповедальной традиции, яркими примерами которой являются произведения Н. Гоголя, С. Граховского, Л. Гениуш и др. авторов. Такие выводы становятся правомерными исходя из содержания книги Д. Гранина, а также из следующего авторского признания: «Я хотел бы поверить в Бога, но боюсь... ..я боюсь, потому что не хочу страдать. За несправедные поступки, за суету, эгоизм, за грехи... Неприятно будет оглядываться на свое прошлое, испортишь остаток жизни. Исправить нельзя, отомолить времени не хватит. Перечисление – это еще не покаяние. Да и покаяние – не искупление» [6].

На страницах книги «Все было не совсем так» Д. Гранин обращается к важнейшим событиям российской истории (роль и значение Петра I, Великая Отечественная война, «Ленинградское дело», развал СССР, путч 1991 года и т.д.), стремится отыскать причины и проанализировать последствия случившегося. Как Н. Гоголь в середине XIX века обличал «страхи и ужасы» России, так Д. Гранин в начале XXI-го века кается в грехах своей страны. Значительно меньше внимания автор уделяет осмыслению собственного жизненного опыта. Показательным в этом отношении является мысль Д. Гранина, взятая автором в качестве эпиграфа к книге: «Мне достался мир постоянно воюющий, суровый, где мало улыбок,

много хмурого, мало солнца. Обилие талантов и запретов. Я попал в него не в лучшую пору. В этом мире мне тем не менее повезло. Мне достались времена трагические, весьма исторические, главное же, от них осталось сокровенное чувство счастья – уцелел!» [2, с. 3]. При этом в произведении Д. Гранин обращается не только к прошлому России, но и к ее настоящему. Современное состояние дел в стране вызывает у писателя такие же горестные мысли, как и ее прошлое. Автор акцентирует внимание на болевых точках российской действительности: снижение уровня гуманитарного образования, ЕГЭ, утрата нравственных ориентиров в обществе и т.д. Безрадостные размышления Д. Гранина об исторических путях развития России предопределили заглавие книги – «Все было не совсем так», в котором автор с помощью выделенных курсивом слов объединил два временных плана – прошлое и настоящее.

Логика подобного рода построения книги неминуемо приводила к появлению в ней исповедальных страниц. События, ставшие объектом размышлений Д. Гранина, в большинстве случаев оказываются тесно сопряженными с авторской судьбой, становясь поводом для откровенного, углубленного анализа. Так, например, воспоминание о путешествии по Енисею позволяет Д. Гранину не только покаяться в национальном грехе (экологическое состояние реки в силу бездумного отношения людей вызывает нескрываемую тревогу писателя), но и совершить еще одно горестное признание, немалую степень личной вины за которое тяжело переживает уже и сам автор: «По радио сообщили – 21 июля 1961 года –люди высадились на Луне, и все у нас на пароходе хранят молчание. Потому что не наши, американцы. <...> Вспоминаю с удовольствием. И стыдом. Себя стыжусь» [2, с. 185].

Стремясь не нарушить принцип подлинности, Д. Гранин в книге «Все было не совсем так» рассказывает о своем детстве в третьем лице. Для этого в первой части произведения он дистанцируется от изображаемого «я», что достигается путем введения в художественную ткань повествования главного героя, обозначенного как Д.: «Как бы то ни было, Д. появился на свет в собственном сознании поздно» [2, с. 6]; «Он был первенец, и наверняка его можно считать желанным ребенком» [2, с. 7]. С взрослением героя способ самообъективизации автора в книге претерпевает изменения. Доминирующей становится форма повествования от первого лица. Однако произведение Д. Гранина так и не приобрело вид последовательного авторского жизнеописания. Уже в конце первой части автор снимает с себя эту задачу: «Если бы я писал подряд свою жизнь, многое бы вспомнилось, зацеплялось и можно было вытащить из прошлого связную последовательность. Пробовал, не получилось» [2, с. 155]. Вследствие этого книга Д. Гранина приобретает фрагментарный характер, лишаясь, как и сама человеческая память, цельности, завершенности.

Жизнь Д. Гранина, как свидетельствуют факты биографии и страницы книги, представляет собой путь, в котором потерь было значительно больше, чем обретений. Ко многим из них автор не желает возвращаться. Ключевым историческим событием поколения людей Д. Гранина стала Великая Отечественная война, к размышлениям о которой автор неоднократно обращается в своей книге. Однако, как и для большинства писателей-фронтовиков, индивидуальный фронтовой опыт для Д. Гранина – это табу, запретная тема, не предполагающая подробных публичных откровений: «Всякое со мною бывало на войне, но об этих часах и минутах я старался никогда не вспоминать» [2, с. 536]. Лишь о незначительной части своего военного прошлого рассказал в книге признаний «Долгая дорога домой» и В. Быков, который, как свидетельствуют воспоминания А. Петкевича, «не любіў расказваць, ды і асабліва і не расказваў пра вайну» [7, с. 349]. Аналогичные мысли в собственном исповедальном произведении «Жизнь, подаренная дважды» запишет еще один непосредственный участник Великой Отечественной войны Г. Бакланов: «...те, кто был на войне, всего про войну не расскажут. И не надо. Я тоже не мало из того, что видел и знаю, унесу с собой» [8, с. 202]. Отдельные авторские признания, встречающиеся в книге Д. Гранина, становятся не исключениями из общего для писателей-фронтовиков правила, а, скорее, его дополнительным подтверждением: «Я все больше чувствовал потерянные четыре

года войны» [2, с. 160]; «Сколько раз на войне я трусил, не хотел подниматься после обстрела, заляжешь в окопе, и никакие команды не помогают, лежишь, засыпанный землей, вроде как контужен, оглушен» [2, с. 258]. Они как незаживающая рана в душе писателя, которая начинает кровоточить от малейшего прикосновения к ней.

«Все было не совсем так» – книга подведения жизненных итогов Д. Гранина. Мотив прощания с жизнью пронизывает книгу писателя, еще более повышая ее исповедальный накал. 93-летний автор физически ощущает приближение смерти: «Долго ходить не могу, слышу хуже, путешествия кончились, запреты обступают со всех сторон...» [2, с. 403]. Смерть уже забрала самого дорогого и близкого для Д. Гранина человека – жену Римму, породив в его душе чувство беспредельного одиночества: «Смерть жены после многолетнего брака – это потрясение. Сметаются все устои, все привычки. Прежде всего обнаруживается пустота» [2, с. 454]. Предчувствие близкой смерти освобождает автора от всевозможных компромиссов с совестью, позволяя без опасений за свою репутацию, откровенно высказать, проговорить вслух сокровенное: «Судьба подарила мне долголетие. Как я использовал это? В конце жизни, подводя итоги – недоволен» [2, с. 444]. Центральная идея жизни Д. Гранина – идея справедливого коммунистического общества, та идея, которой он свято верил на протяжении всей своей жизни, ко времени подведения итогов лопнула, словно мыльный пузырь, оставив после себя горькое послевкусие, ощущение пустоты, разочарованности, несбывшихся надежд: «Большая часть моей жизни прошла в СССР. Мне там привили «идею жизни» – коммунистическое общество. Идея была красивая. Затем начались сомнения, разочарования. Идея все время осыпалась, рушилась, трескалась. Годами я избавлялся от нее» [2, с. 271]. Аналогичные чувства были пережиты А. Карпюком («Развітанне з ілюзіямі»), который всю свою жизнь посвятил служению идеям коммунизма. Уже не сомневаясь в ложности своих жизненных идеалов, Д. Гранин тем не менее остается честным перед самим собой: «Чем дальше уходит в забвение эта страна – тем она становится для меня интереснее и даже признаюсь, – милее» [2, с. 98].

В 1847 году К. Аксаков, оценивая сокровенные мысли Н. Гоголя, изложенные им в «Выбранных местах из переписки с друзьями», усмотрел в них «внутреннюю неправду человека с самим собою...» [9, с. 95]. Подобный упрек недопустим по отношению к книге Д. Гранина «Все было не совсем так», эстетическое впечатление от которой не оставляет сомнений в искренности автора даже у самого недоверчивого и придирчивого читателя.

Литература

- 1 Дементьев, В. Выговориться!.. / В. Дементьев // Литературная Россия. – 9 июня. – 2000. – № 23. – С. 6.
- 2 Гранин, Д. Все было не совсем так / Д. Гранин. – М.: ЗАО «ОЛМА Иедиа Групп», 2010. – 576 с.
- 3 Шапран, С. Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах: у 2 ч. / С. Шапран. – Мінск – Гародня, 2009. – Ч. 2. – 774 с.
- 4 Гранин, Д. У нас нет культуры исповеди / Д. Гранин // Труд. – 25 ноября. – 2005. – № 221. – С. 6.
- 5 Льюис, К. С. Бог под судом / К. С. Льюис // Литературное обозрение. – 1991. – № 9. – С. 75-85.
- 6 Гранин, Д. Причуды памяти моей / Д. Гранин. – СПб.: Центрполиграф, 2008. – Режим доступа: <http://knigosite.ru/library/read/3040>. – Дата доступа: 28.07.2011.
- 7 Шапран, С. Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах: у 2 ч. / С. Шапран. – Мінск – Гародня, 2009. – Ч. 1. – 734 с.
- 8 Бакланов, Г. Жизнь, подаренная дважды / Г. Бакланов. – М.: Вагриус, 1999. – 445 с.
- 9 Переписка Н.В. Гоголя : в 2 т. / редкол. : В.Э. Вацууро [и др.]. – М. : Худож. лит, 1988. – (Переписка русских писателей). – Т. 2. – 527 с.